

ДРЕВО

— В ЦЕНТРЕ —

ПАРКА



Роман Абрамов

Дерево в центре парка

<https://litres.ru/73885121>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей возвращается в город, из которого сбежал много лет назад. Он пуст, одинок и давно перестал верить людям. В первый же день в старом парке он встречает мальчика Сашу, который находит в дупле огромного дуба пожелтевшее письмо. Почерк на листке принадлежит самому Алексею — тому, кем он был двадцать лет назад и кого давно похоронил в себе.

В этом же городе Алексей встречает Анну — художницу, которая тоже пытается начать жизнь с чистого листа. Их чувства вспыхивают, и кажется, что прошлое наконец отпустило. Но у прошлого свои планы.

Одна ложь. Одна случайная встреча. Одна невысказанная правда. Алексею предстоит понять, что молчание способно разрушить даже самые сильные чувства, и научиться говорить — пока не стало поздно.

«Дерево в сердце парка» — это глубокая психологическая драма о последствиях невысказанных слов, о природе любви и о том, как важно вовремя найти в себе смелость жить по-настоящему

Роман Абрамов

Дерево в центре парка

ДЕРЕВО В СЕРДЦЕ ПАРКА

Роман

Аннотация

Алексей возвращается в город, из которого сбежал много лет назад. Он пуст, одинок и давно перестал верить людям. В первый же день в старом парке он встречается мальчика Сашу, который находит в дупле огромного дуба пожелтевшее письмо. Почерк на листке принадлежит самому Алексею — тому, кем он был двадцать лет назад и кого давно похоронил в себе.

В этом же городе Алексей встречается Анну — художницу, которая тоже пытается начать жизнь с чистого листа. Их чувства вспыхивают, и кажется, что прошлое наконец отпустило. Но у прошлого свои планы.

Одна ложь. Одна случайная встреча. Одна невысказанная правда. Алексею предстоит понять, что молчание способно разрушить даже самые сильные чувства, и научиться говорить — пока не стало поздно.

«Дерево в сердце парка» — это глубокая психологическая драма о последствиях невысказанных слов, о природе любви

и о том, как важно вовремя найти в себе смелость жить по-настоящему.

Прошное — это то, что мы оставляем позади. Но иногда оно идёт за нами следом.

Глава 1. Имя на коре

Вокзалы пахнут одинаково: сыростью, железнодорожной гарью и чужим нетерпением. Я сошёл на перрон города, из которого уехал семь лет назад, и первым, что почувствовал, был не запах, а тяжесть. Тяжесть где-то под рёбрами, с которой не справляются никакие лёгкие. Мой чемодан опыта, собранный в других городах, вдруг показался мне пустым. Всё, что я копил — умение молчать, наблюдать, не привязываться, — здесь обесценивалось. Этот город помнил меня другим. И, кажется, ждал, что я вспомню себя сам.

Квартира, доставшаяся от тётки, встретила запахом пыли и старых книг. Я открыл окно, впуская ноябрьский воздух, сырой и колючий. Внизу, во дворе, голые ветки тополей царапали серое небо. Тишина. Та самая, от которой я бежал последние годы, заглушая её шумом новых улиц, новых лиц, новых гостиничных номеров. Но тишина умеет ждать.

На следующий день я пошёл в парк. Не потому что хотел — просто ноги сами понесли по знакомому маршруту, который когда-то был моим любимым. Парк изменился: аллеи заасфальтировали, поставили новые фонари, но деревья оста-

лись прежними. И в самом сердце, там, где дорожки сходились к небольшой круглой площади, стоял он — старый дуб.

Он был огромен. Кора — как карта неизведанного континента, вся в трещинах, наростах, вековых морщинах. Я подошёл ближе и машинально провёл ладонью по холодной шершавой поверхности. Когда-то давно мы с ребятами играли здесь, прятали в дупле «секретики» — фантики, стёклышки, записочки с глупыми желаниями. Я улыбнулся, вспомнив то чувство: когда дерево казалось живым, почти родным, единственным, кто умеет хранить тайны.

Взгляд зацепился за свежую царапину на коре. Кто-то вырезал ножом одно только слово: «Жди». Буквы были неровными, детскими. Я усмехнулся про себя: жди. Как будто я умел ждать. Вся моя жизнь — это череда побегов от ожидания.

— Вы тоже это видите?

Я вздрогнул. Рядом стоял мальчик в серой курточке и чёрных брюках, с книжкой в руке. Лет девять-десять, не больше. Глаза голубые, прозрачные, как осеннее небо после дождя. Он смотрел не на меня, а на дерево.

— Что именно? — спросил я.

— Оно дышит, — сказал мальчик тихо, почти шёпотом. — Приложите руку. Только не снаружи, а вот сюда, где трещина.

Я послушно прижал ладонь к глубокой борозде в коре. И вдруг почувствовал — или мне показалось? — едва улови-

мое тепло, ритмичное, как пульс. Глупое воображение, сказал я себе. Ветер качает ствол, вот и всё.

— И что, часто ты сюда приходишь? — спросил я, чтобы перевести разговор.

— Почти каждый день, — ответил мальчик. — Мы недавно переехали. Там, где я жил раньше, таких деревьев не было. Только стройки и большие дома.

— Понимаю, — кивнул я. — Переезжать тяжело. Особенно когда оставляешь друзей.

Мальчик опустил глаза и ничего не ответил. Я вдруг узнал этот взгляд — взгляд человека, который привык быть один в толпе. Он смотрел на дуб так, словно искал у него ответа на какой-то очень важный, ещё не сформулированный вопрос.

— Меня, кстати, зовут... — начал я, но осёкся. Зачем ему моё имя? Мы ведь просто прохожие.

— Я знаю, — сказал мальчик. — Вы раньше здесь жили. Вы с ребятами играли возле этого дерева.

Я замер.

— Откуда ты...

— Мне кажется, это дерево помнит всех, кто к нему прикасался, — перебил он, и в его голосе не было ни капли насмешки. — Оно помнит ваши руки. И ваши секреты.

Мне стало не по себе. Я хотел спросить, кто он и откуда ему всё это известно, но мальчик вдруг улыбнулся — открыто, светло, по-детски — и протянул мне свою книжку.

— Это вам. Там внутри кое-что есть. Я нашёл это в дупле.

Думаю, это ваше.

Я машинально взял книгу. Это был потрёпанный томик рассказов Чехова — такие продавались в букинистических за углом. Мальчик развернулся и, не попрощавшись, победил по аллее в сторону выхода. Через минуту его серая курточка скрылась за поворотом.

Я остался один. Вокруг сгущались ранние ноябрьские сумерки. Фонари ещё не зажглись, и парк погружался в синеву. Я открыл книгу.

Между пожелтевших страниц лежал сложенный вчетверо тетрадный листок. Бумага была ветхой, на сгибах почти протёртой. Я развернул его.

Почерк — мой собственный. Тот самый, каким я писал в пятнадцать лет: угловатый, с сильным нажимом, строчки прыгают от волнения. Письмо, которое я не отправил. Письмо, адресованное ей.

Первые строки ударили в сердце раньше, чем я успел осознать прочитанное:

«Я не знаю, как начать. Если ты читаешь это, значит, я всё-таки решился. Мне страшно писать, но ещё страшнее — молчать. Ты — единственный человек, с которым я хочу говорить правду. И если я сейчас промолчу, то, кажется, никогда себе этого не прощу...»

Я опустил руку с письмом. В висках застучало. Годы, прожитые в других городах, новые языки, новые женщины, новые профессии — всё это в один миг скомкалось и исчезло.

Остался только я, пятнадцатилетний, испуганный, стоящий у этого же самого дуба с конвертом в руке, который так и не решился опустить в почтовый ящик.

Дерево хранило мой секрет двадцать лет. А теперь вернуло его обратно.

Я снова посмотрел на надпись «Жди» на коре. И вдруг понял: это не мальчик написал. Или мальчик, но не просто так.

Что-то начиналось. Что-то, к чему я был совершенно не готов.

Я спрятал письмо в карман куртки и медленно пошёл к выходу из парка, чувствуя, как старый дуб смотрит мне в спину. Ночной город встречал меня огнями витрин и равнодушными лицами прохожих. Но внутри меня всё дрожало.

Кажется, я вернулся не просто в родной город. Я вернулся в своё прошлое.

Глава 2. Дождь внутри

Я вернулся в пустую квартиру, но пустой она уже не казалась. В кармане куртки лежало письмо, и его присутствие физически ощущалось — как тлеющий уголёк, который вот-вот прожжёт ткань и упадёт на голую кожу.

Не раздеваясь, я сел на старый диван, пахнувший пылью и временем, и снова развернул тетрадный лист. Почерк пятнадцатилетнего меня прыгал перед глазами, неровный, отчаянный. Я прочитал первые строки ещё раз, а потом заставил

себя остановиться. Нет. Не сейчас. Если я прочту всё сразу, это раздавит меня. А я только начал собирать себя по кускам в этом городе.

Я аккуратно сложил письмо и убрал в ящик письменного стола — тот самый, где когда-то хранил школьные тетради и первые неумелые стихи. Ящик скрипнул, будто приветствуя старую вещь, вернувшуюся домой.

Ночью пошёл дождь. Он барабанил по жестяному отливу за окном, и этот звук — монотонный, убаюкивающий — всегда был моим любимым. В других городах дождь пах иначе: асфальтом, бензином, спешкой. Здесь он пах землёй и прелыми листьями — запахом детства. Я лежал без сна и думал о мальчике. О его голубых глазах и странной фразе: «Оно помнит ваши руки». Откуда он знал про игры у дуба? Совпадение? Или в этом городе все всё помнят, кроме меня?

Утром дождь не прекратился. Я смотрел в окно на серую пелену, на редких прохожих, согнувшихся под зонтами, и чувствовал, как внутри растёт глухое беспокойство. В такие дни одиночество становится осязаемым — его можно потрогать, как холодное оконное стекло. Раньше я спасался работой, но сейчас работы не было. Было только время — вязкое, тягучее, как патока.

Я оделся и вышел на улицу. Сам не знаю зачем. Ноги снова привели в парк.

Дождь превратил аллеи в зеркала. Старый дуб стоял мокрый, чёрный, величественный. Возле него никого не было.

Я подошёл и коснулся коры там, где вчера вырезал «Жди». Буквы набухли от влаги и стали почти неразличимы. «Интересно, сколько ещё таких посланий хранит это дерево?» — подумал я. — «И все ли они от тех, кто не умел говорить вслух?»

— Вы всё-таки пришли.

Я обернулся. Мальчик стоял под большим чёрным зонтом, с той же книжкой в руке. Сегодня он выглядел обыкновенно: мокрые волосы прилипли ко лбу, на щеке — след от подушки. Никакой мистики. Просто ребёнок, который сбежал из дома в дождь.

— Привет, — сказал я. — А ты чего мокнешь? Заболеешь.

— Мама с папой ругаются, — ответил он просто, без жалобы. — Я не хочу это слушать. А здесь тихо.

Я кивнул. Мы постояли молча, глядя, как капли стекают с веток дуба.

— Меня Саша зовут, — вдруг сказал мальчик. — А вас?

— Меня... Алексей.

— Алексей, — повторил он, пробуя имя на вкус. — Красивое. Вы надолго сюда?

— Не знаю, Саш. Пока не знаю.

— А зачем вы вернулись?

Вопрос повис в воздухе. Я сам себе его задавал и не находил ответа.

— Наверное, чтобы кое-что вспомнить, — сказал я наконец. — Или, наоборот, забыть окончательно.

Саша посмотрел на меня серьёзно, по-взрослому.

— У меня тоже есть что вспоминать. Там, в старом городе, остались мои лучшие друзья. Мы с ними поклялись, что никогда не расстанемся. А потом папе дали другую работу, и мы переехали. Я им пишу, но они редко отвечают. Наверное, у них теперь другие друзья.

— Это больно, — сказал я. — Когда тебя забывают.

— Очень, — тихо согласился он. — Но я всё равно жду. Вдруг они приедут? Я им покажу это дерево. У нас таких нет.

— Жди, — прочитал я вслух надпись на коре. — Это ты написал?

Саша покачал головой.

— Нет. Оно уже было. Наверное, кто-то очень хотел, чтобы его не забыли.

Мы снова замолчали. Дождь начал стихать, превращаясь в мелкую морось. Где-то вдалеке зажглись первые окна — город просыпался.

— Алексей, — сказал Саша, — а вы умеете дружить?

Вопрос застал меня врасплох.

— Не знаю, — честно ответил я. — Когда-то умел. А потом разучился.

— Почему?

— Потому что перестал верить людям. Это долгая история, Саш. Не для детских ушей.

— А я не ребёнок, — серьёзно возразил он. — Мне уже десять. И я много понимаю.

Я усмехнулся.

— Ладно, взрослый человек. Давай договоримся: я буду приходить сюда иногда, и мы будем разговаривать. О чём захочешь. Идёт?

Глаза Саши загорелись.

— Правда? Вы не обманете?

— Я не умею обманывать, — сказал я и вдруг осознал, что это чистая правда. Врать я так и не научился. Может, поэтому и молчал всю жизнь — потому что говорить правду было страшно, а врать противно.

— Тогда договорились! — Саша улыбнулся своей светлой улыбкой. — А завтра придёте?

— Постараюсь. Но если дождь...

— Дождь — это не причина, — перебил он. — Под дождём даже лучше думается.

Он развернулся и побежал по аллее, ловко перепрыгивая лужи. У самого выхода обернулся и крикнул:

— Я буду ждать!

И исчез за поворотом.

Я остался один у старого дуба. Слова мальчика эхом звучали в голове: «Я буду ждать». Когда-то давно эти же слова я написал в том самом письме. Только адресат их так и не услышал.

Я поднял воротник и пошёл прочь из парка. Мне нужно было куда-то спрятаться от собственных мыслей. И я знал одно место.

Кафе на углу Садовой и Мирной. Оно работало ещё с моей юности. Там варили крепкий кофе и не включали громкую музыку. Идеальное убежище для тех, кто хочет побыть один в толпе.

Когда я вошёл, народу было немного. Я занял столик у окна, заказал кофе и стал смотреть на мокрую улицу. Капли стекали по стеклу, искажая очертания прохожих. Мир казался размытым, ненастоящим. Как мои воспоминания.

Я не заметил, как она вошла. Просто в какой-то момент поднял глаза и увидел её — за соседним столиком. Девушка в лёгком бежевом пальто, с влажными волосами, упавшими на плечи мягкими волнами. Она достала из сумки блокнот и начала что-то рисовать быстрыми, уверенными штрихами.

В ней было что-то неуловимо знакомое. Не лицо, не фигура — а ощущение. Так бывает, когда встречаешь человека из своего сна, которого никогда не видел наяву, но всегда знал, что он существует.

Она подняла голову, и наши взгляды встретились. На секунду мне показалось, что время остановилось. А потом она улыбнулась — просто, открыто, без кокетства. И я почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Что-то, что я считал давно умершим.

Я отвёл взгляд первым. Сделал глоток остывшего кофе. Сердце колотилось где-то в горле.

«Не смей, — сказал я себе. — Ты знаешь, чем это кончится. Ты уже проходил».

Но я снова посмотрел на неё. Она всё ещё улыбалась, теперь уже с лёгким любопытством. И в её глазах я прочитал то же, что чувствовал сам: удивление от внезапного узнавания чужой души.

Дождь за окном усиливался. А внутри меня впервые за долгие годы занимался рассвет.

Глава 3. Размытые контуры

Я не знаю, сколько прошло времени. Минута, может, две. Мы смотрели друг на друга сквозь пелену дождя на стекле, и в этой тишине было больше слов, чем в иных долгих разговорах. Первой не выдержала она.

— У вас очень задумчивый вид, — сказала девушка, и её голос оказался именно таким, каким я его себе представлял: негромким, с тёплой хрипотцой. — Можно подумать, вы решаете судьбу мира.

— Всего лишь свою собственную, — ответил я, сам удивляясь, как легко сорвалась с губ эта фраза. Обычно я отделываюсь дежурными «всё в порядке» или «просто задумался».

Она улыбнулась и, не спрашивая разрешения, пересела за мой столик. Движения плавные, уверенные — так двигаются люди, которые привыкли доверять себе.

— Анна, — сказала она, протягивая руку. Ладонь была прохладной после улицы, но рукопожатие — крепким, открытым.

— Алексей.

— Очень приятно, Алексей. Вы местный?

— Когда-то был. Вернулся недавно. А вы?

— Я здесь чуть больше месяца. Переехала из... впрочем, это скучно. Давайте лучше о вас. Почему вы сидите один в кафе в такой дождь и смотрите в окно с видом человека, который потерял что-то важное?

Я усмехнулся.

— Вы всегда так прямолинейны с незнакомцами?

— Только с теми, у кого интересные глаза.

Это было неожиданно. Я почувствовал, как щёки слегка теплеют — давно забытое ощущение. Чтобы скрыть смущение, я подозвал официантку и заказал ещё кофе. Анна попросила какао.

— Какао? — удивился я. — В такую погоду обычно пьют что-то согревающее.

— Какао согревает лучше любого кофе, — возразила она. — Это из детства. У меня с ним связаны самые тёплые воспоминания. А у вас?

Я задумался. Тёплые воспоминания... Последние годы я старательно хоронил любые воспоминания, и тёплые, и холодные.

— Наверное, лето у бабушки в деревне, — сказал я наконец. — Парное молоко, земляника, запах сена. И ощущение, что весь мир принадлежит тебе.

— Красиво, — тихо произнесла Анна. — У меня такого не было. Я выросла в городе. Мои тёплые воспоминания —

это книги. Я могла читать сутками, забывая о еде и времени. Книги были моим убежищем.

— А сейчас? — спросил я. — Сейчас вы продолжаете прятаться в книгах?

Она посмотрела на меня внимательно, словно решая, можно ли мне доверять.

— Сейчас я пытаюсь научиться жить без убежищ, — сказала она медленно. — Это трудно. Иногда кажется, что я вышла на открытое поле, а вокруг — стрелки. И я не знаю, откуда прилетит.

— Понимаю, — вырвалось у меня прежде, чем я успел прикусить язык. — Это как стоять на краю и не знать, шагнуть или остаться.

Наши взгляды снова встретились. В её глазах читалось нечто большее, чем простое любопытство. Узнавание. Такое же, какое я почувствовал, когда увидел её впервые. Как будто мы давно знаем друг друга, но забыли об этом и теперь мучительно вспоминаем.

Официантка принесла заказ. Анна обхватила чашку с какао обеими ладонями, словно пытаясь впитать тепло, и зажурилась от удовольствия.

— Знаете, Алексей, — сказала она, не открывая глаз, — я ведь прихожу сюда каждый день. Рисую, пью какао, смотрю на людей. И за весь месяц вы — первый, с кем мне захотелось заговорить.

— Почему я?

— Не знаю. Может, потому что вы смотрите на мир так же, как я. Будто всё время ищете что-то за видимой картинкой. Какую-то скрытую суть.

— И что вы ищете?

Она открыла глаза и улыбнулась — но теперь в улыбке промелькнула грусть.

— Историю. Я ищу историю, которая стоит того, чтобы её рассказать.

— Вы писательница?

— Художница. Но каждая картина — это история. Я приехала сюда, чтобы найти свою.

Она достала из сумки блокнот и протянула мне. Я начал листать. Карандашные наброски: улочки, фасады домов, деревья, лица прохожих. Линии были быстрыми, живыми, немного нервными. В каждом рисунке чувствовалось движение, дыхание.

На одной из страниц я узнал старый дуб из парка. Он был изображён с такого ракурса, словно художница стояла прямо под его кроной и смотрела вверх. Ветви сплетались в причудливый узор, напоминающий вены или реки на карте. Внизу подпись: «Сердце города».

— Вы были в парке? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Да, несколько раз. Там удивительное дерево. Огромное, старое. Мне кажется, оно помнит этот город лучше любого архива. Я пытаюсь его нарисовать, но всё время чув-

ствую, что упускаю главное.

— Что именно?

— Его душу, — просто ответила Анна. — У деревьев тоже есть душа. Особенно у таких. Вы не замечали?

Я вспомнил Сашу, его слова: «Оно дышит. Приложите руку». Вспомнил тепло под корой — или то, что мне показалось теплом.

— Замечал, — сказал я. — Совсем недавно.

Анна посмотрела на меня с интересом, но не стала спрашивать. Она вообще удивительно умела слушать тишину — редкое качество. Большинство людей боятся пауз и заполняют их пустыми словами. Анна позволяла молчанию быть частью разговора.

За окном дождь начал стихать. Косые лучи заходящего солнца пробились сквозь тучи и зажгли мокрый асфальт золотом. Город преобразался на глазах, смывая с себя серость.

— Мне пора, — сказала Анна, поднимаясь. — Но я рада, что мы встретились, Алексей.

— Я тоже, — ответил я искренне.

Она надела пальто, взяла сумку и уже направилась к выходу, но вдруг остановилась.

— Завтра я снова пойду в парк рисовать дуб. Если хотите, приходите. Я обычно там с утра, пока мало людей.

— Приду, — сказал я, не раздумывая.

Она улыбнулась и вышла. Колокольчик над дверью звякнул, впустив в кафе запах мокрой листвы и озона. Я остался

один, но одиночество больше не казалось мне удушающим. В нём появилась какая-то новая нота — предвкушение.

Я остался один. Кофе давно остыл. Я сделал глоток — горько, терпко, как раз под настроение.

За окном дождь превратился в мелкую морось. Люди раскрывали зонты, прятали головы в воротники, спешили по своим делам. Обычный вечер обычного города. И только я сидел и смотрел на всё это с ощущением, что сегодня что-то сдвинулось. Что-то внутри, что давно заржавело и не поддавалось.

Я вспомнил, как Анна сказала: «Я ищу историю». И как посмотрела на меня, когда говорила о дубе. Она видела его. Рисовала. Чувствовала. Может, даже больше, чем я сам.

Надо было спросить её про надпись. «Жди». Интересно, она заметила её? И что подумала?

Я достал телефон, открыл заметки и написал два слова: «Спросить про "Жди"». Глупо, но так я хотя бы не забуду. Память в последнее время стала дырявой — то ли возраст, то ли привычка вытеснять всё, что неудобно.

Расплатился, вышел на улицу. Воздух был влажным и прохладным. Я постоял секунду, раздумывая, не пойти ли в парк — просто проверить, не размыло ли надпись дождём. Но одёрнул себя. Хватит. Сегодня и так было много. Слишком много для человека, который привык к тишине внутри и снаружи.

Я повернул в сторону дома. В кармане куртки лежал сло-

женный тетрадный лист. Тот самый, который я утром пере-
ложил из ящика — сам не знаю зачем. Может, хотел пере-
читать на свежую голову. А может, просто боялся оставлять
его в пустой квартире. Будто он мог исчезнуть, как исчезают
сны, если их не записать сразу.

Дома я включил свет, снял мокрую куртку и сел за стол.
Письмо лежало передо мной. Пожелтевшая бумага, выцвет-
шие чернила, мой собственный угловатый почерк двадца-
тилетней давности.

Я развернул его не до конца. Только первый абзац. Тот,
что уже читал у дуба.

«Я не знаю, как начать. Если ты читаешь это, значит, я
всё-таки решился. Мне страшно писать, но ещё страшнее —
молчать...»

Дальше — темнота. Я помнил, о чём писал тогда, но
не мог заставить себя прочитать это сейчас. Слова двадца-
тилетнего пацана жглись. Они были слишком честными.
Слишком беззащитными. Я таким уже давно не был. Или де-
лал вид, что не был.

Я сложил письмо и убрал обратно в карман куртки. Зав-
тра. Может быть, завтра.

А пока — спать. Завтра утром я обещал Анне прийти в
парк. И почему-то мне казалось, что это важнее, чем все
неотправленные письма мира.

Глава 4. Лавка на Почтовой

Проснулся я рано. За окном ещё висели остатки ночной синевы, а в комнате было холодно — отопление в старом доме работало через раз. Я полежал немного, глядя в потолок с трещиной, которая шла от люстры к углу и напоминала русло пересохшей реки. Мысли путались: Анна, письмо, Саша, дуб, надпись «Жди». Всё это варилось в голове, как густой суп, в котором ещё не разобрать вкуса отдельных ингредиентов.

Я встал, умылся ледяной водой (горячая пошла только через минуту), оделся. Посмотрел на себя в зеркало — обычное лицо, чуть помятое после сна, с лёгкой щетиной. Интересно, какой меня видит Анна? Уставшим? Потерянным? Или, наоборот, тем, кто наконец начинает что-то находить?

До встречи в парке оставалось часа два. Я решил выйти пораньше, чтобы просто прогуляться по городу, вспомнить, каким он был и каким стал. Заодно купить воды — в горле пересохло то ли от волнения, то ли от пыли в квартире.

Я направился в сторону Почтовой улицы — там, на углу, ещё с моих школьных времён работал маленький магазин канцтоваров и художественных принадлежностей. «Лавка художника» — вывеска облупилась, но хозяин, старый армянин Ашот, держался. Мне нужна была просто вода, но я почему-то свернул именно туда. Может, хотел зацепить взглядом витрину с красками — в детстве я любил их запах, хотя рисовать так и не научился.

Внутри пахло бумагой, деревом и чем-то сладковатым —

кажется, лаком. Узкие проходы, полки до потолка, всюду коробки с карандашами, кистями, тюбиками. Я взял бутылку воды с витрины у кассы и уже собирался идти, когда услышал за спиной знакомый голос.

— Алексей?

Я обернулся. Анна стояла у стеллажа с акварелью, держа в одной руке несколько тюбиков, а в другой — раскрытый блокнот со списком. На ней был светлый свитер крупной вязки и джинсы, волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбились влажные пряди — видимо, тоже только что с улицы.

— Вот так встреча, — сказал я, не скрывая улыбки. — А я как раз к тебе в парк собирался.

— А я решила сначала закупиться, — она кивнула на свои трофеи. — У меня закончилась умбра жжёная и кадмий жёлтый. Без них дуб не нарисуешь.

— Звучит как заклинание, — усмехнулся я.

— Так и есть. У художников свои заклинания.

Мы стояли посреди узкого прохода, и я вдруг понял, что эта случайность — увидеть её здесь, среди красок и карандашей — гораздо правильнее, чем если бы я пришёл в парк и ждал на скамейке. Она была на своей территории. В своей стихии. И выглядела абсолютно живой.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила Анна.

— В этом магазине? Последний раз — лет пятнадцать назад. Тогда я покупал здесь тетради к школе и клей ПВА для

поделок.

— А я захожу каждую неделю. Ашот, — она кивнула в сторону хозяина за прилавком, — уже делает мне скидку как постоянному клиенту. Он говорит, что художники спасают этот город от серости.

— И он прав, — сказал я.

Анна улыбнулась и вдруг спросила:

— Слушай, а ты хорошо знаешь город? Я тут всего месяц, и кроме центра, парка и этого магазина почти ничего не видела. Может, покажешь мне что-нибудь? Не туристическое, а настоящее. Где ты рос, например.

Я на секунду замешкался. Показать ей город — значит впустить в своё прошлое. Но, с другой стороны, я ведь сам хотел начать с чистого листа. А чистый лист не появится, если прятать старые страницы.

— Давай, — сказал я. — Только предупреждаю: у меня специфический взгляд. Я вижу то, чего уже нет.

— Это даже интереснее, — ответила Анна. — Я тоже так умею.

Она оплатила покупки, мы вышли на улицу. Дождь наконец кончился, оставив после себя лужи и прозрачный, промытый воздух. Мы пошли не спеша, и я начал рассказывать.

Сначала повёл её на Садовую — улицу, где прошло моё детство. Показал дом с облупившейся штукатуркой, в котором жила моя первая учительница. Рассказал, как мы мальчишками лазили на крышу соседней пятиэтажки, чтобы

смотреть на закат, и как однажды нас чуть не поймал участковый. Анна смеялась, задавала вопросы, и я ловил себя на том, что говорю легко, без напряжения — так, как не говорил ни с кем уже очень давно.

Потом мы свернули в старый двор, где сохранилась деревянная беседка с резными наличниками. Я рассказал, что здесь когда-то играл духовой оркестр по праздникам, а местные бабушки выносили стулья и слушали вальсы. Анна достала блокнот и быстро набросала беседку — буквально несколькими штрихами, но удивительно точно.

— Ты видишь красоту там, где другие проходят мимо, — заметил я.

— Это профессиональное, — отмахнулась она. — А ты видишь истории. Это реже.

Мы шли дальше, и постепенно я начал рассказывать о себе больше. О том, как уехал из города после школы, как метался между разными профессиями и городами, как понял, что «чемодан опыта», который я копил, в какой-то момент перестал помещаться в руки. О том, что вернулся, потому что устал быть везде чужим.

Анна слушала молча, иногда кивая. Когда я закончил, она сказала:

— А я уехала из своего города, потому что там всё напоминало о человеке, с которым мы расстались. Не трагично, не со скандалом — просто поняли, что идём в разные стороны. Но город стал тесным. Каждая улица, каждое кафе — как

фотография, с которой ты смотришь и не можешь понять, почему улыбка на ней уже не твоя. Я решила, что мне нужен новый фон. Новые улицы. Новая я.

— Получается? — спросил я.

— Пока не знаю, — честно ответила она. — Но когда я рисую ваш дуб, мне кажется, что да. Он какой-то... вне времени. Ему всё равно, кто я и откуда. Он просто есть. И я рядом с ним тоже просто есть. Без прошлого.

Мы вышли к набережной. Река была серой и спокойной после дождя, чайки кричали над водой. Я остановился и посмотрел на Анну.

— Знаешь, я ведь тоже от чего-то бежал. Не от человека — от себя. От того, кем я был и кем боялся стать. А теперь думаю: может, пора перестать бегать и просто... быть. Как тот дуб.

Анна посмотрела на меня долгим взглядом, и в её глазах промелькнуло что-то, от чего у меня перехватило дыхание. Не романтическое томление — нет. Скорее, узнавание. Словно она увидела во мне ту же трещину, что я сам всегда чувствовал внутри.

— Давай договоримся, — сказала она. — Ты показываешь мне свой город, а я показываю тебе свои рисунки. И мы не врем друг другу. Даже в мелочах. Идёт?

— Идёт, — ответил я.

Мы постояли ещё немного, глядя на реку, а потом медленно пошли обратно в сторону центра. Я поймал себя на мыс-

ли, что в кармане куртки до сих пор лежит то самое письмо. Оно молчало, но я чувствовал его вес — не физический, а какой-то другой. Как напоминание, что не все истории можно рассказать сразу. Что некоторые нужно сначала прожить до конца.

У магазина, где мы встретились, Анна остановилась.

— Спасибо за экскурсию, Алексей. Мне было... хорошо. По-настоящему.

— Мне тоже, — сказал я. — Завтра в парке? Или снова в магазине столкнёмся?

— Давай в парке. Я всё-таки хочу закончить дуб. Приходи, если будет желание.

— Приду.

Она улыбнулась и пошла в сторону своего дома, а я остался стоять, глядя ей вслед. Город вокруг оживал — люди спешили по делам, машины шумели, где-то играла музыка из открытого окна. И в этой обычной суете я вдруг почувствовал то, чего не чувствовал уже много лет: что я не один. Что я — часть этого места, этих улиц, этих случайных встреч.

Дома я сел за стол, достал письмо и развернул его до половины. Прочитал ещё несколько строк — там было о том, как я впервые увидел её в школьном коридоре, как она засмеялась, и у меня внутри всё перевернулось. Обычные мальчишеские слова, но от них щемило сердце.

Глава 5. Сашина тайна

Утро выдалось ясным и холодным — первое настоящее ноябрьское утро в этом году. Лужи подёрнулись тонким ледком, а воздух стал колючим и звонким, как натянутая струна. Я оделся теплее, взял термос с чаем и отправился в парк.

Мы не договаривались с Сашей о встрече. Но что-то подсказывало мне, что он будет там. Такие дети, как он, находят себе убежища и держатся за них, даже если убежище — всего лишь старое дерево и незнакомый взрослый, который почему-то умеет слушать.

Я не ошибся. Саша сидел на скамейке у дуба, сгорбившись и засунув руки глубоко в карманы серой курточки. Книжки в руках не было. Он просто смотрел перед собой отсутствующим взглядом, и в этом взгляде читалось что-то, чего не должно быть у десятилетнего ребёнка — усталость. Та самая, взрослая, когда уже ничего не ждёшь.

— Привет, — сказал я, садясь рядом.

Он вздрогнул, обернулся. Глаза голубые, но сегодня в них не было ни искорки.

— Здравствуйте, Алексей.

— Ты давно здесь?

— С час, наверное. Не смотрел на часы.

Я открутил крышку термоса, налил чай в пластиковый стаканчик и протянул ему. Саша взял, но пить не стал — просто грел ладони.

— Хочешь рассказать? — спросил я тихо.

Он долго молчал, глядя на пар, поднимающийся над ста-

канчиком. Потом сказал:

— Мама заболела. Сильно. Папа говорит, что всё будет хорошо, но я слышал, как он разговаривал по телефону с бабушкой. Он плакал. Мой папа никогда не плачет, Алексей. Никогда.

У меня внутри всё сжалось. Я вспомнил себя в его возрасте — как однажды ночью проснулся от странного звука и увидел отца, сидящего на кухне и беззвучно трясущегося над каким-то письмом. Тогда я впервые понял, что взрослые тоже ломаются. Просто делают это тихо.

— Это страшно, — сказал я. — Когда те, кто должен быть сильными, вдруг оказываются обычными людьми. Но знаешь, Саш, это не значит, что они сдаются. Иногда слёзы — это способ выпустить боль, чтобы она не сожрала изнутри. Твой папа плакал не потому, что всё плохо. А потому, что ему очень страшно потерять твою маму. И он её любит.

Саша поднял на меня глаза.

— А если мама умрёт?

Он произнёс это так прямо, так беззащитно, что у меня перехватило горло. Я не знал ответа. Вернее, знал, что честный ответ — «я не знаю, что тогда будет». Но ему нужно было не это.

— Врачи делают всё, что могут, — сказал я осторожно. — А ты можешь делать то, что умеешь лучше всего: быть рядом. Не обязательно говорить правильные слова. Просто быть. Сидеть у кровати, держать за руку, рассказывать про

дуб и про парк. Иногда этого достаточно.

Он кивнул, но было видно — страх никуда не ушёл. Он просто спрятался глубже, как зверёк в нору.

— Я боюсь возвращаться домой, — признался Саша. — Там всё пропитано этой болезнью. Пахнет лекарствами, все ходят на цыпочках, шепчутся. Как будто мама уже не мама, а какая-то хрупкая ваза, которую страшно разбить. А я хочу, чтобы она на меня кричала за невыученные уроки. Чтобы было как раньше.

— Понимаю, — сказал я. — Когда у меня в семье случилось что-то тяжёлое, я тоже хотел убежать. Убежать туда, где всё по-прежнему. Но такого места нет, Саш. Есть только места, где можно переждать бурю. Для меня таким местом был этот парк. И это дерево.

— Поэтому вы сюда вернулись? — спросил он. — Переждать бурю?

Я задумался.

— Наверное. И ещё — чтобы вспомнить, кто я такой, когда не прячусь.

Саша отпил наконец чай, поморщился — видимо, остыл — и сказал:

— Мне кажется, я тоже прячусь. От мамы, от папы, от себя. А вы не прячетесь? Ну, сейчас?

— Учусь не прятаться, — ответил я. — Это трудно. Привычка — страшная вещь. Иногда проще смолчать, чем сказать правду. Проще уйти, чем остаться. Проще сделать вид,

что тебе всё равно, чем признаться, что тебе больно. Но каждая такая «простота» потом аукается. Годами.

— Это как с друзьями из старого города, — тихо сказал Саша. — Я им пишу, а они отвечают редко и коротко. И я думаю: может, проще перестать писать? Сделать вид, что мне всё равно. Но мне не всё равно.

— И правильно, что не всё равно, — я повернулся к нему. — Саш, послушай. Ты сейчас в очень сложной ситуации. У тебя больна мама, ты в новом городе, без друзей. Любой взрослый на твоём месте расклеился бы. А ты держишься. Ходишь в парк, наблюдаешь за деревом, разговариваешь со странным дядькой. Это уже немало.

Он слабо улыбнулся.

— Вы не странный. Вы... настоящий. С вами можно молчать, и это не неловко.

— Спасибо, — сказал я искренне. — Для меня это важно.

Мы посидели ещё немного. Солнце поднялось выше, и лёд на лужах начал таять, оставляя мокрые следы на асфальте. Парк постепенно наполнялся людьми — мамочки с колясками, пенсионеры с палками для скандинавской ходьбы, бегуны в ярких куртках. Жизнь шла своим чередом, не замечая, что на скамейке у старого дуба один мальчик учится не прятаться, а один мужчина — вспоминать, как это делается.

— Алексей, — вдруг сказал Саша, — а у вас есть кто-то, ради кого вы перестали прятаться?

Вопрос застал меня врасплох. Перед глазами всплыло ли-

цо Анны — её улыбка, её манера смотреть чуть дольше, чем нужно.

— Кажется, начинает появляться, — ответил я. — Но я пока не уверен. Боюсь спугнуть.

— Это как с синицей, — серьёзно сказал Саша. — Если резко дёрнуться — улетит. А если сидеть тихо и протянуть ладонь с крошками — может, и сядет.

— Ты откуда такой мудрый?

— У нас во дворе, в старом городе, была кормушка. Я там синиц кормил. Они сначала боялись, а потом привыкли.

Я рассмеялся. Легко, впервые за долгое время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.